

Волкова Татьяна
Олеговна

ПИСЬМО ИЗ КОСМОСА

Татьяна Олеговна Волкова

Письмо из Космоса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67984494

SelfPub; 2022

Аннотация

Что пишет из дальнего космоса похищенный летающей тарелкой младшеклассник своей старой учительнице на Земле. Как поживает миссия на Марсе. Короткие рассказы для маленьких простых удовольствий. Заваривайте кофе и наслаждайтесь!

Содержание

Потому что мы семья

4

Письмо из космоса

8

Татьяна Волкова

Письмо из Космоса

Потому что мы семья

Не помню точно, кто из нас первым начал становиться оранжевым. Кажется маленький Давид. Его тогда заперли в медицинском блоке, подозревая острую форму гепатита. Лекарства не помогали, стали уже готовиться к пересадке печени. Врачи у нас тут хорошие. Только все без толку.

Как выяснилось, печень была в полном порядке, зато оранжевые пятна со временем обнаружили на себе почти все. И все таились, как могли. Шутка сказать – неизвестное заболевание, чума инопланетная. Да еще и по красному коду. Это Давидку нашего маленького в бокс закрыли, а взрослых вполне могли огнеметами обеззаразить. Ну это мы тогда так думали.

Повариха наша чуть ли не целый месяц дурачила всех, обмотав руку бинтом – будто обожглась паром.

Давиду, кажется, становилось хуже, к нему никого не пускали. Держали в стерильной палате и врачи, заходя к нему, надевали защитные костюмы, как для работы в глубоком космосе, чтобы избежать распространения заразы.

Родители Давида выходили из больничного блока только

на работу. Все остальное время сидели перед прозрачной стеной, за которой находилась палата Давида. Многие из нас приходили посидеть с ними – Давид был первым ребенком, родившимся в нашей семье. Самым первым ребенком, родившимся здесь, на Марсе. Он нам всем родной стал.

Разумеется, многие втайне ненавидели и Давида и его родителей. словно это они были виноваты в том, что с нами происходило. Но никто не подавал виду, конечно. Мы были в одной лодке, одной семьей. То, что происходило с одним из нас – рано или поздно неизбежно касалось всех.

Тогда мы думали, что скоро умрем и поэтому старались делать вид, как будто ничего не происходит. Мы работали, гуляли, шутили, смеялись, спали, каждый миг опасаясь разоблачения.

Конец этому положил Док, ворвавшись с пистолетом в обеденный зал и сорвав повязку с руки поварихи. После этого он перевел пистолет в зал и поклялся, что пристрелит каждого, кто немедленно не разденется догола. И выяснилось, что оранжевые пятна есть у всех. У кого-то пятна слились вместе, и кожа превратилась в подобие чешуи – твердой и блестящей, как у рептилий.

Знаешь, что я тебе скажу? Одно дело бояться по-одиночке, втихаря, как бы шепотом. И совсем другое дело, когда рядом с тобой подвывает от страха еще сотня людей. Вот тогда страх разрастается, плещется, захлестывает волнами. Вот уж не знаю, что бы с нами было, если бы не Док. Наверное,

поубивали бы друг друга с перепугу – не просто же так нас на Марс отправили. А ты думал? За примерное поведение и хорошие отметки в воскресной школе?

А Док ничего, пальнул плазмой в потолок, а как все при-сели да поутихли, рассказал, что в санитарном блоке творит-ся. Мальчонка, как оказалось, весь чешуей покрылся. Пол-ностью. Волосы выпали, на руках когти. Махнул ручкой, да и срезал инвалидные крепления, которыми его к лежанке гос-питальной пристегивали. И к матери, конечно, кинулся. Ма-ленький же совсем. Она плачет, к нему рвется, а через бро-нестекло ей не пройти, так Давидик когтями своими – чик чик, бронированное стекло вдребезги осыпалось.

Охрана прибежала, стали их растаскивать, мать от сына отрывать – ни в какую, только платье на ней порвали, а под платьем, что бы ты подумал? – Чешуя рыжая. Тут отец при-шел с работы, ему говорят – Снимай комбинезон.

Смотрят – а он тоже в чешуе весь. И его тоже к ним. И всех заперли. Охранники стоят бледные, все трясутся – и это ребята, которые по три войны прошли не пискнув. Началь-ник охраны прибежал – огнеметами их, вопит, надо, огнеме-тами. Тут, конечно, ребята не удержались, отпилили ему ко-черыжку, что у него видать заместо головы отросла.

Почесал тогда Док свои желтые чешуйки, да и понял, что никакая это не зараза. А мутируем мы все вместе – одной семьей, как положено. Приспосабливаемся. Солнышко тут по другому светит, воздух другой, атмосфера, влажность. А

значит и человек тут по-другому должен выглядеть. Кожа у нас потверже, кости подлиннее да потоньше, ноги с перепонками – чтобы и по воде и по песку ходить. Опять-таки хвост удобный, опереться можно. Да ты не смотри так, не бойся попусту. Будь проще. Это ты сейчас себе думаешь, что ты серьезный ученый, а я так, геккон говорящий. У меня, между прочим, тоже ученая степень есть. Все мы люди, все человеки и ты человек, и я тоже. Поживешь тут немного – тоже своим на этой земле станешь. А там, глядишь, и новый корабль со ссыльными подоспеет – им все по новой объяснять придется.

Письмо из космоса

Март в 2010 году выдался совершенно безумный. У подъездов орали кошки, требуя любви. В наступившем году тигра они были в своем праве. Сугробы в три человеческих роста подтекали ручьями, угрожая превратить Петербург обратно в болото – словно и не было никакого Петра – лупоглазого микроцефала, вздумавшего отстроить столицу посреди лягушачьих угодий. Грязи было – чуть не по пояс. Никакие сапоги не спасали. Спасли бы лодки, но народ, полагающий себя жителями просвещенной Европы, держать каяки отвык.

Учительница русского языка и литературы, Оксана Вадимовна, временно поставленная на младшие классы, подошла к окну и зашевелила губами. Высший разум сегодня с ней говорить отказывался. Облака никак не складывались в буквы и в этом конечно были виноваты дети. Она ухватила за оттопыренное ухо пробежавшего мимо с воплями Ваньку Жукова и ткнула пальцем в небо

– Читай!

Ванька скривился, из глаз его закапали крупные слезы и он сбивчиво, неловко залопотал, что это не он первый начал и что он не виноват, а глобус сам разбился прямо в окно. Оксана Вадимовна крепче стиснула Ванькино ухо и заорала, перекрывая воплем шум и гам школьной перемены

– Читай, говорю тебе!

Ванька осторожно и недоверчиво подошел к окну, посмотрел на облака, с большим трудом нашел первую букву и медленно, по слогам принялся читать:

– «Дорогая моя учительница. Оксана Вадимовна. Я пишу тебе письмо. Только ты у меня на земле и осталась. Меня похитили инопланетяне. Мама и папа тоже тут. Мы живем хорошо. Просто замечательно. Я учусь на Бетмена и Супермена. Это не сложно, но заставляют много кушать – чтобы мышцы много росли.

А вчера за ужином мы очень тебя все вспоминали, потому что была селедка, а она мордой на тебя сильно похожа. Папа даже хотел тебя навестить, чтобы ейной головой тебе в харю потыкать, но мама его отговорила. А только я все равно выучусь и к тебе прилечу на летающей тарелке – чтобы и тебя сюда забрали. Кричать тут не разрешают, и деток мучить ты не сможешь. А будешь жить долго и счастливо, словно у Христа за пазухой. Остаюсь твой ученик, Витя Карамазов».

Ванька повертел головой, но на небе больше ничего написано не было. Он ловко вывернулся из ослабевших пальцев учительницы и, как бы случайно пнув ее в лодыжку, умчался. Через секунду, вопя и толкаясь, он влился в толпу точно таких же младшекласников.

Никто не заметил тихого сияния, проступившего на усталом лице старой учительницы. Не обращая ни на кого внимания, она прошла в учительскую, налила себе чаю, села на продавленный диван и стала ждать. В ее жизни наконец-то

появился смысл. Теперь она точно знала – за ней придут, и готова была ждать сколько угодно.